

И.Г. Гурьянов

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛОСОФИИ МАРСИЛИО ФИЧИНО В XX в. В АНГЛО-САКСОНСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ МИРЕ

Аннотация. Философские идеи ренессансного неоплатонизма, в частности виднейшего его представителя Марсилио Фичино (1433-1499), на протяжении европейской интеллектуальной истории имели радикально разный эпистемологический статус. В истории европейской мысли раннего Нового времени Фичино известен, прежде всего, как создатель масштабной историософской концепции в духе «*prisca theologia*» («древней теологии»), возвративший в европейский интеллектуальный обиход целый ряд сочинений античных и эллинистических авторов. Анализ интерпретации его сочинений и комментариев, начиная со второй половины XIX в., показывает, что они всегда были тем или иным образом культурно и ценностно нагружены. Целью настоящей статьи является реконструкция имманентно-теоретических и контекстуальных (социальных, институциональных) оснований возникновения отдельного методологически консистентного направления исследований Возрождения в англо-саксонском интеллектуальном мире в XX в. на материале работ, посвященных философии Марсилио Фичино. На обширном историческом материале показывается, что ключевым моментом в этом процессе стало появление в англо-саксонской академической среде немецких ученых-эмигрантов и успешная институционализация, инициированных ими исследовательских проектов и программ. Таким образом, история гуманитарной науки предстает не как констелляция содержаний автономных дисциплин в разных национальных контекстах и не как механический трансфер достижений одной исследовательской области в другую, а как сложный континуум интеллектуальных влияний и общественных ожиданий, что ставит под вопрос многие объективистские установки прогрессистского самосознания нововевропейской науки.

Ключевые слова: история идей, исследования Возрождения, немецкая эмиграция, Марсилио Фичино, трансфер знания, история знания, Возрождение, неоплатонизм, Эрнст Кассирер, Пауль Оскар Крестеллер.

Abstract. Studies in intellectual and cultural history deal with the ideas of the Renaissance Neo-Platonism in a much different way during the late 19th century and 20th century. One of the main figures of these researches is Marsilio Ficino (1433-1499) who is well-known for the historiosophic conception of *prisca theologia* and also for his translations of all Plato's and Plotin's works and writings attributed to Hermes Trismegistus as well as commentaries on them. Interpretations of Ficino's thought change dramatically the complex epistemological attitudes to the Renaissance. The article focuses on the works devoted to the philosophy of Marsilio Ficino and analyses the immanent theoretical and contextual (social, institutional) background for the emergence of the Renaissance studies in Anglo-Saxon intellectual world in the middle of XX century as a separate and self-consistent field of research. It is shown that the crucial point in this process is the appearance of German immigrant scientists in the Anglo-Saxon intellectual context and the successful institutionalization of their research projects and programs. Thus the history of humanities manifests itself through continuity and interaction between intellectual influences and social expectations which could not be reduced mechanically to the constellation of the ideas of autonomic disciplines established in the national scientific contexts.

Keywords: Neo-Platonism, Renaissance, history of knowledge, knowledge transfer, Marsilio Ficino, German emigration, Renaissance studies, history of Ideas, Ernst Cassirer, Paul Oscar Kristeller.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00482 «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции»).

Процессы производства, трансформации и передачи философского знания, а также подходы к его изучению в разных национальных и дисциплинарных контекстах в последние десятилетия стали предметом самого пристального интереса целого ряда исследовательских направлений. Настоящая работа представляет собою опыт описания конкретного случая становления историко-философских исследований, посвященных виднейшему представителю флорентийского неоплатонизма Марсилио Фичино (1433–1499), в англо-саксонском интеллектуальном мире в XX в. Прежде всего, будут проанализированы институциональные особенности данного процесса. При этом приоритетное внимание будет уделено не только тем историческим фигурам и произведениям, которые в наибольшей степени способствовали формированию устойчивого интереса к творческому наследию флорентийского мыслителя, но и сложному континууму интеллектуальных влияний и общественных ожиданий, засвидетельствованным в данных работах. Представляется очевидным, что в XX в. любой исследователь мог выбрать язык для наиболее адекватного, согласно его пониманию, изложения результатов собственной работы. Однако же при комплексном подходе к самосознанию гуманитарных дисциплин необходимо учесть, что наиболее влиятельные в настоящий момент индексы научного цитирования возникли именно в США, а эдичионные требования и конвенции на протяжении XX в. существенным образом менялись, должен быть учтён [1]. Достаточно сказать, что еще в конце 30-х гг. XX в. отдельные исследователи с энтузиазмом публиковали новейшие исследования, посвященные Фичино, на латинском языке с целью привлечения к ним как можно более широкого круга ученых-гуманитариев [2]! Жанр настоящего исследования не позволяет подробно остановиться на характеристике идейного содержания всех упомянутых в нем работ, а также дать полную библиографию англоязычных исследований по философии Фичино, однако без пояснения основных идей флорентийского мыслителя будет непонятно, почему он занял столь видное место в становлении исследований Возрождения в англо-саксонском интеллектуальном мире.

Приведем лишь самые общие сведения о творческом наследии флорентийца, необходимые в данной работе [3; 4]. Интеллектуальная деятельность Марсилио Фичино, протекавшая преимуще-

ственно во Флоренции и ее ближайших окрестностях, полностью охватывает вторую половину XV в., а его творческое наследие весьма обширно. Однако хронологическое изложение жизни мыслителя нельзя признать удачным подступом к пониманию его творчества, так как ее событийная составляющая являлась постоянным объектом рефлексии и фальсификации со стороны самого Фичино и его ближайшего окружения. Ю.В. Иванова даже назвала эту криптобиографию флорентийца произведением «наиболее совершенным из тех, что более или менее самостоятельно создал Марсилио Фичино» [4, с. 367]. В истории европейской мысли раннего Нового времени он известен, прежде всего, как создатель масштабной историософской концепции в духе «prisca theologia» («древней теологии»). Именно под эгидой этого учения он осуществил большой переводческий и издательский проект, введя в европейский интеллектуальный обиход целый ряд сочинений античных и эллинистических авторов. В том числе, он осуществил перевод с греческого на латинский язык полного корпуса сочинений Платона (включая сочинения, приписываемые ему), Плотина, Ямвлиха, Прокла, тексты Герметического корпуса и написал к ним комментарии. Столь масштабная деятельность была бы невозможна, если бы флорентиец не заручился дружбой и поддержкой наиболее влиятельных политических и интеллектуальных фигур своего времени, таких, например, как представители семейства Медичи или Джованни Пико делла Мирандола.

В современной исследовательской литературе считается, что Фичино познакомился с произведениями наиболее видных представителей эллинистического неоплатонического движения уже в конце 1450-х – начале 1460-х гг. [4, с. 373–374]. К ним относятся: «Начала теологии», «Физика» и гимны Прокла, пифагорейские «Золотые стихи», «Математические объяснения, необходимые для чтения Платона» Теона из Смирны, комментарии Гермия к платонову «Федру», сочинения Ямвлиха «О секте пифагорейцев» и «Халдейские оракулы» и, возможно, еще ряд сочинений и авторов, испытавших влияние неоплатонической философии, но впоследствии приписанных к более «древней» орфической или герметической традиции. Вероятней всего, Фичино выполнил переводы соответствующих текстов на латынь, не предназначая их для широкой публики, но лишь для личного пользования. В то же время они сформировали оптику

его видения платоновского корпуса. Очевидно, что даже подобной работы было достаточно для усвоения наиболее распространенных в традиции практик толкования платоновских текстов и приемов обращения с языком в целом, которые он с успехом применял в своих собственных сочинениях, посвященных теологическим, медицинским и иным вопросам. Фичино не был первым и единственным мыслителем, взявшимся за переводы греческих текстов диалогов Платона на латынь (он не скрывал, что многие гуманисты-современники помогали ему в этом начинании), но именно издание 36 диалогов, озаглавленных «Platonis opera omnia» (1484), снискало ему заслуженную славу и стало образцовым для многих поколений философов [5, p. 300–311]. Латинские переводы и комментарии Фичино были востребованы вплоть до XIX в.

При этом в молодости он успел получить медицинское образование, и, возможно, даже имел врачебную практику [6, p. 18–19]. Со схоластической медициной он мог столкнуться, прежде всего, в годы своего ученичества во Флорентийском университете, где в 1439–1440 и в 1450–1451 гг. преподавал Никколо Тиньози из Фолиньо (1402–1474). Точное содержание его лекций нам неизвестно, однако этот представитель университетского дискурса XV в. прославился, прежде всего, как знаток Аристотелева корпуса сочинений и апологет медицинской власти. В настоящее время с большой долей вероятности установлен принадлежавший Фичино в годы обучения у Тиньози манускрипт с латинскими переводами сочинений Стагирита: в их числе физические трактаты «О возникновении и уничтожении» и «Метеорологика» [7, p. 77]. Поэтому, можно сказать, что «ученый» медицинский дискурс Фичино в значительной степени представлял в духе схоластической философии. Учитывая общую ориентацию университетского образования рассматриваемой эпохи, данный тезис мог бы показаться тривиальным, если бы он не объяснял некоторые конститутивные особенности сочинений самого Фичино и интерес к ним специалистов по истории науки раннего Нового времени, наметившийся в последние годы [8; 9]. Однако в число избранных флорентийцем для перевода и комментирования авторов не вошел ни один из авторитетных врачей древности. И это несмотря на то, что интерес к сочинениям Галена – лекаря и философа-платоника – в русле «медицинского гуманизма» в последней четверти XV в. уже вполне сформировался [10, p. 314–351].

В целом, исследование философского наследия Марсилио Фичино в духе истории идей создали ему в академическом сообществе репутацию синкретического мыслителя, осуществившего не вполне органичный синтез платонизма, христианства и магического оккультизма. Сложности с систематическим представлением философии Фичино связаны, с одной стороны, с размерами корпуса его текстов (ведь в него входят переводы и комментарии к виднейшим философам античности), а с другой стороны, с манерой письма, актуализирующий разные жанровые каноны даже в рамках одного произведения. Приведем только один пример: в латинском трактате «О жизни» (1489) флорентинец сочетает элементы медицинского руководства с диетологическими указаниями и рецептами лекарств, историю античных магических верований, вымышленные речи, вроде той, что Сократ произносит в диалоге Платона «Пир» от имени жрицы Диотимы, комментарий к одной из книг «Эннеад» Плотина, с техническими терминами астрологии и схоластической космографии [6]. Именно этот трактат стал в конце XV–XVI вв. настоящим бестселлером в Европе, если судить по количеству изданий и переводов на народные языки, и оказал большое влияние на таких мыслителей как Парацельс, Роберт Бертон, Жак Лефевр д'Этапль. В том или ином виде проделанная Фичино работа была востребована вплоть до XIX в.: так, например, в годы ученичества Шеллинг обращался к его латинскому переводу диалога «Тимей» Платона как к вполне авторитетному источнику для понимания афинского философа, даже имея под рукой более новые комментарии и сам древнегреческий текст произведения. Все это позволяет охарактеризовать Фичино как мыслителя, прочно вписанного в философский канон интеллектуальной истории Европы, хотя и не занимающего там центрального места, и ставит перед исследователями задачу более глубокого понимания систематической взаимосвязи его идей и отдельных учений.

Исследовательская работа в современном ее понимании с философским наследием Фичино неразрывно связана со становлением истории философии Возрождения как отдельной сферы изучения в XX в. Еще во второй половине XIX в. за мыслителями XIV–XVI вв. в целом не признавали ни концептуальной новизны, ни сколько-нибудь значимых интеллектуальных достижений в рамках господствующих в то время проблемно-ориентированных моделей истории знания [11, p. 111–122].

Косвенно это подтверждается историей дискуссий вокруг понятия «Возрождение» во второй половине XIX – первой половины XX в. [12]. Несомненно, что возникновению историко-философского интереса к данному периоду предшествовало его конституирование в исторической науке, прежде всего, в работах Якова Буркхардта, важнейшей из которых является «Культура Возрождения в Италии» (*Die Kultur der Renaissance in Italien*), изданная впервые в 1860 г. [13]. В своем исследовании он объединил фактографию политической истории Италии, выдержанную в духе Леопольда фон Ранке, с идеями других своих учителей, таких как Август Бёк и Яков Гримм, полагавших, что ключ к культуре предшествующих эпох сокрыт в правильном понимании наиболее выдающихся произведений своего времени, не только текстов [14]. Ни за университетскими сочинениями, ни за произведениями гуманистически ориентированных мыслителей оригинального по отношению к античности и патристическому богословию содержания не признавалось, поэтому философия Возрождения Буркхардта не интересовала. Так, например, о Фичино он пишет в связи с характерным интересом эпохи к антиковедению, упоминая лишь вскользь, что платоновская философия – «прекраснейший цветок мира античной мысли» [13, с. 139]. На более обширном источниковом материале тот же идеализированный образ флорентийской академии с акцентом на биографию ее участников развивает историк Андреа Делла Торре [15].

Одним из первых, кто обратил внимания на собственные сочинения Фичино и флорентийский платонизм в целом, был Эрнст Кассирер, спроецировавший историко-культурную констатацию интереса эпохи Возрождения к человеку на свою философию символических форм [16; 17; 18]. В центре его внимания, однако, первоначально был другой мыслитель XV в. – Николай Кузанский – и его учение о «*coincidentia oppositorum*» (совпадении противоположностей), ознаменовавшее, по мнению немецкого философа, переход от чисто негативного понимания божественности к возможности ее познанию через символ, то есть синтез философии и религии, мистико-интуитивного и логического [19, р. 6]. Необходимо отметить, что понятие символа и его специфическая связь с мифом как способом миропонимания, конститутивно связанным с философским мышлением, активно разрабатывались в немецкой *Altertumswissenschaft* (науке о древности) на материале античной и древ-

невосточной культур, без обращения к сочинениям XIV–XVI вв. как к объектам интерпретации [20]. Не вдаваясь в подробности обсуждения идейно-содержательной стороны философии культуры Кассирера, отметим лишь, что он, вероятно, первый заговорил о «месте Фичино в интеллектуальной истории», как свидетельствует название одной из его работ, опубликованной в 1945 г. уже после эмиграции в США [17].

В историософской конструкции, выстраиваемой немецким мыслителем, Фичино и Пико делла Мирандола в равной степени представлялись продолжателями дела Кузанца и противопоставлялись «догматическому содержанию церковного учения»: подчеркивались их стремление к интуитивному и визионерскому, то есть символическому, постижению онтологических основ мироздания, интерес к античности, понимаемой, прежде всего, через призму мифотворчества [17; 18]. Подобный подход, безусловно, не брал в расчет сложную траекторию интеллектуального пути Фичино и Пико, лишал творчество каждого из них своеобразия и строился на крайне избирательной работе с многими текстами из наследия названных мыслителей, что во многом объясняется и состоянием источниковой базы, доступной в то время исследователям. Однако не будет преувеличением сказать, что внимание к истории философии Возрождения было во многом вызвано заявлением Кассирера, что интеллектуальная и духовная жизнь эпохи не исчерпывается эклектичной и неоригинальной трансляцией идей античных авторов [22, р. 99–111]. Он прямо противопоставляет себя подходу, согласно которому «философия Возрождения была всего лишь эклектизмом – смесью совершенно разных и несовместимых учений, почерпнутых из разных источников» [18, р. 483]. Тем не менее, как явствует из вводного раздела «Индивида и космоса», он вполне сознательно сохранял преемственность с проблемно-ориентированным подходом к творчеству мыслителей прошлого, сводя всю философию Возрождения к кантианским проблемам Бога, свободы и бессмертия [16, с. 10]. С точки зрения истории знания, значимыми являются контакты Кассирера с исследователями, чье профессиональное становление прошло также в немецком академическом контексте: с Аби Варбургом, основавшим Институт Варбурга, и с Паулем Оскаром Кристеллером. Хотя сам Варбург не оставил значительного в сравнении с Кристеллером исследовательского наследия, посвященного ренессансному платониз-

му, именно они представляют собой два направления работы с наследием Фичино, влиятельных до настоящего момента. Ведь история гуманитарной науки крайне редко предстает как механический трансфер достижений или же результирующих суждений одного исследователя в работы коллег, безусловно, признающих его влияние.

Несомненно, немецкой академической культуре в целом принадлежит приоритет в открытии философской мысли флорентийского платонизма, но в силу историко-политических причин: прихода к власти нацистов в Германии и Второй мировой войны – становление намеченных ей подходов произошло в англо-саксонском интеллектуальном мире, что существенно изменило характер теоретической рефлексии данной сферы исследования [22]. Как отмечает Карл Ландауэр, в послевоенный период для американских ученых, занимавшихся изучением культуры и истории итальянского Возрождения, была характерна идеализация общества того времени – прежде всего, Флоренции XV в. – и его интеллектуальных исканий, что во многом предопределило тон и содержание академических дискуссий, вовлекших в себя эмигрировавших из Германии исследователей [23, р. 259]. Справедливости ради необходимо отметить, что в последние годы появились попытки реактуализировать концептуальный инструментарий философии культуры Кассирера для исследования философии Фичино, например, через сближение идей немецкого мыслителя с метафорологией Ханса Блюменберга, и создать тем самым альтернативу пониманию истории философии Возрождения преимущественно как истории идей [24]. Другой заметной областью, обратившейся к философскому наследию Марсилио Фичино, стало искусствознание, операционализировавшее интерес Кассирера к символу и мифологии: например, иконология, зародившаяся в недрах Института Варбурга. Однако в настоящее время этот подход оценивается скорее критически с точки зрения возможностей его объяснительных моделей [25; 26]. Необходимо отметить, что и в работах П. О. Кристеллера современные ему исследователи видели попытку редуцировать многообразие культурных процессов эпохи Возрождения к «платонизму» [27].

Институционализация исследований философии Фичино в англо-саксонском мире в послевоенные годы теснейшим образом связана с именем Кристеллера. Впервые он опубликовал специальное монографическое исследование «Философия

Марсилио Фичино» (The Philosophy of Marsilio Ficino) в 1943 г. на английском языке, хотя, по его собственным свидетельствам, начал готовить ее в 1931 г. во Фрайбурге, а закончил в 1937 г. в Сан-Годенцо [28]. Как убедительно показывает на биографическом материале Пол Блум, в основе интеллектуальных исканий молодого исследователя лежали те же принципы, что вдохновляли всю гуманитарную науку времен Веймарской республики: сочетание филологической точности и философской остроты [28, р. 22]. Поэтому неудивительно, что к тому же 1937 г. Кристеллер подготовил и издал двухтомник «Supplementum Ficinianum», ставший результатом добротной филологической работы, в том числе в него вошли: индекс почти всех изданий и рукописей Фичино, упомянутых в каталогах библиотек Европы, список разночтений между рукописями и печатными текстами его работ, а также произведения флорентийца, не вошедшие в базельское издание «Opera omnia» 1576 г. [2]. Во введении к двухтомнику и комментариях к разным разделам работы Кристеллер также рассматривал исторические и содержательные аспекты наследия Фичино, что заложило фундамент его исследований философии флорентийца после эмиграции. Конечно, данная проблематика всегда оставалась для Кристеллера лишь одним, хотя и очень значительным, направлением работы в рамках более общего интереса к истории и философии Возрождения.

В 1939 г., как следует из архивных источников, Кристеллер намеревался начать сотрудничество с Чикагским университетом, где преподавал тогда знаменитый филолог и антиковед, один из его учителей Вернер Йегер, но в итоге к 1944 г. все же оказался в Колумбийском университете Нью-Йорка вместе с Кассирером [29, р. 1164]. Вместе они успели реализовать лишь один крупный издательский проект, посвященный интеллектуальной истории Возрождения [30]. Согласно А. Эдельхайту, именно Кристеллер обратил внимание североамериканских коллег на значение и роль философских сочинений Фичино и его комментариев к Платоновым диалогам [29, р. 12]. В качестве профессора Колумбийского университета он воспитал целое поколение блестящих исследователей Возрождения, названную М.Дж. Алленом «golden brigata» (золотая компания) [31, р. 1]. Среди них необходимо упомянуть, прежде всего: Джеймса Хенкинса, Артура Филда, Джона Монфазани, Пола Грендлера, Пола Блума, Валери Реес, Чарльза Шмитта, Дилви-

на Нокса; безусловно, его определяющее влияние на исследовательские установки в отношении ренессансного платонизма Чарлза Тринкауса, Брайана Копенхейвера и многих других видных исследователей. Одни, как Дж. Хенкинс и А. Филд – были секретарями Кристеллера, другие, как Ч. Тринкаус, много лет работал с ним бок о бок, не имея изначально той профессиональной подготовки, какую он получил в донацистском немецком академическом контексте. Еще одним важным вкладом Кристеллера в институционализацию данного направления истории философии стало его участие в создании Ренессансного общества Америки (Renaissance Society of America), поставившего своей целью поддержку исследований западной культуры в период с 1300–1650 гг. [32] Он стал его вторым президентом и активно содействовал как популяризации философского наследия Фичино, так и формированию устойчивого интереса к нему со стороны академического сообщества: достаточно сказать, что еще один видный исследователь творчества флорентийца Майкл Дж. Аллен также избирался на этот пост. Необходимо отметить, что RSA ведет активную издательскую деятельность: издает рецензируемый научный журнал «Renaissance Quarterly» (до Т. 20, выпущенного в 1967 г., назывался «Renaissance News») и курирует книжную серию «Renaissance Society of America Reprint Text Series». Начиная с Т. 28, выпущенного в 1975 г., журнал «Renaissance Quarterly» включил в себя периодическое издание, выходящее на базе Чикагского университета, «Исследования по Возрождению» (Studies in the Renaissance), в котором также активно сотрудничал Кристеллер. Поэтому не будет преувеличением сказать, что вклад RSA в исследование философии Фичино огромен, и именно это общество задает тренды в англоязычных исследованиях наследия флорентийца.

Другой важный центра англо-саксонского интеллектуального мира, целенаправленно работающих с творческим наследием Фичино – это Институт Варбурга. Прежде всего, необходимо отметить работы Эрвина Панофски и связанной с ним иконологической школы, хотя обращались к наследию Фичино и другие видные последователи Аби Варбурга в искусствознании: Франц Закль, Эдгар Винд, Эрнст Гомбрих [23]. Неоплатоническая составляющая философии Фичино служила для них, если не универсальным ключом к пониманию культуры Возрождения в целом, в чем их обвиняют современные исследователи, то важнейшим

инструментом для дискурсивной экспликации аллегорического и символических содержаний произведений фигуративного искусства XV–XVI вв. [26]. Пространные выдержки из сочинений флорентийца и их интерпретация содержатся во многих крупных работах названных авторов [33; 34; 35], однако они посвящали Фичино и более специальные исследования [36]. Коллективная монография Р. Клибански, Э. Панофски и Ф. Закля «Сатурн и меланхолия» [37], построенная в значительной степени на интерпретации идей флорентийского мыслителя, даже сформировала новый тренд в современном гуманитарном дискурсе: интерес к меланхолии как к состоянию конститутивно связанному с определенным типом учёных занятий [38; 39]. Институт поддерживает большое количество издательских проектов, старейший из которых журнал (Journal of the Warburg Institute), публикуемый с 1937 г. Внимание академического сообщества и просто образованной публики к наследию Фичино с точки зрения его связи с магическими практиками Возрождения и герметизмом привлекли исследования таких сотрудников Института как Д.П. Уокер и Фр.А. Йейтс [40; 41]. Свидетельством того, что интерес данной институции к наследию Фичино не ослабевает служит небольшая, но представительная конференция 2013 г., почти полностью посвященная флорентийскому мыслителю, хотя заявленная тема «Платонизм после Платона в эпоху Возрождения» (Platonism after Plato in the Renaissance) позволяла привлечь к обсуждению весьма широкий круг мыслителей данного периода [42].

Схематическое противопоставление двух этих линий мысли в работе с наследием Фичино: связанных с именами Кристеллера и Институтом Варбурга, соответственно – предложил Дж. Снайдер [43, р. 35–44]. Он отмечает, что Кристеллеров подход к мысли Фичино обращает внимание преимущественно на ее укорененность в доминирующих интеллектуальных течениях эпохи, прежде всего, в схоластической науке. Поэтому он основывает свое видение наследия флорентийского мыслителя на таких произведениях, как «Платоновская теология», в наибольшей мере являющих его связь с учением Фомы Аквинского, особенно в сфере философии природы. В то время как варбурганцы: Д.П. Уокер в «Духовной и демонической магии от Фичино до Кампанеллы» (1958) и Ф. Йейтс в «Джордано Бруно и герметическая традиция» (1964) – подчеркивают связь мысли Фичино с магическими и герметическими практиками, проти-

вопоставляемыми систематической философии как оккультное, но все более жизненное и прагматически ориентированное знание. По замечанию М.Дж. Аллена, считающего себя продолжателем работы именно этого направления, Фичино стоит одним из первых в длинном ряду мудрецов и магов и Возрождения, чье анимистическое и магическое видение мира должны были затмить отцы-основатели философии механистически устроенного мира [31, р. 7]. Он подчеркивает, что если бы Кристеллер в своей исследовательской работе уделял большее внимание таким произведениям, как комментарии Фичино к Платону и Плотину, а также медико-астрологическому трактату «О жизни», ему было бы более явно то влияние, какое оказали на флорентийца: Цицерон, Апулей, Теон из Смирны, Никомах из Герасы, Халкидий, Ориген, Евсевий, Клемент Александрийский, Макробий, Порфирий, Ямвлих, Прокл, Синезий, Боэций, Пселл, Авиценна, Генри из Гента и многие другие. В конечном счете, очевидно, что и Кристеллер и варбургянцы методологически схожим образом работали с наследием Фичино в духе истории идей, однако же дисциплинарные границы между историей философии и историей герметизма или оккультизма мыслились им более жестким образом. С этой точки зрения, локализация малоисследованного на тот момент наследия Фичино именно в рамках истории философии открывало дорогу для его академического изучения.

В настоящее время почти каждый крупный университет англо-саксонского научного мира имеет в своей структуре подразделение, занимающееся исследованиями эпохи Возрождения, и то место, которое занимает в его работе наследие Марсилио Фичино, определяется в большей степени персональными интересами, собранного там коллектива, нежели чем институциональными факторам. Консолидирующим моментом в данном случае часто выступает наличие какого-либо издательского проекта, поскольку сочинения Фичино достаточно пространны, а их комментирование и подготовка к публикации требует многолетней работы. Особенно выделяются три таких проекта. Первый из них реализуется на базе Школы экономической науки (SES) в Лондоне. Его участники уже более 35 лет занимаются переводом на английский язык сочинений Фичино, написанных на латыни: прежде всего, писем (издано 9 томов) и комментариев флорентийца к диалогам Платона [44]. Первоначально проект был инициирован

П.О. Кристеллером и В. Реес, однако в настоящий момент тон в этой работе задает Артур Фарнделл. Необходимо признать, что, с академической точки зрения, последние вышедшие под его редакцией издания обладают достаточно бедным комментаторским аппаратом и могут служить только для предварительного ознакомления с соответствующими произведениями [45]. При этом он активно занимается и популяризацией взглядов флорентийского мыслителя за пределами академического сообщества [46].

В Гарвардском университете исследованием истории идей Фичино активно занимается Джеймс Хенкинс: так, например, под его общей редакцией было подготовлено двуязычное издание «Платоновской теологии» – *magnum opus* флорентийца, по мнению многих специалистов по истории философии Возрождения. Данный проект выдержан в более академической манере, чем предыдущий, а в его реализации активную роль сыграл Майкл Дж. Аллен. Этот исследователь из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, долгое время занимавший там пост директора Центра исследований Средних веков и Возрождения (Center for Medieval and Renaissance Studies), начиная с 70-х гг. подготовил целый ряд критических изданий комментариев Фичино к диалогам Платона и снабдил их солидным научно-вспомогательным аппаратом. Однако в настоящий момент этот проект по изданию комментариев флорентийца к Платоновым диалогам фактически продолжается им на базе Гарвардского университета [47]. С институциональной точки зрения консолидация подобных исследовательских инициатив вокруг крупнейших университетов англо-саксонского интеллектуального мира говорит о признании роли Фичино в истории философии Возрождения. Ведь первое критическое издание с параллельным переводом на английский язык еще во время Второй мировой войны было подготовлено на базе Миссурийского университета – гораздо менее престижного, чем Гарвард [48].

Таким образом, можно заключить, что в настоящий момент произошла институционализация исследований философии Фичино вокруг нескольких крупных организаций, обладающих значительными эдиционными возможностями. В исторической перспективе взаимодействие между ними обеспечено тем, что у их истоков стояло ограниченное число пионеров исследования философии Возрождения в рамках интеллектуальной истории Запада. Несомненно, что приток ученых

эмигрантов из Европы в 1930–40-е гг. оказал определяющее влияние на исследования ренессансного неоплатонизма в целом и философии Фичино, в частности, однако это не было механическим перенесением идей, трендов или методов науки континентальной науки (прежде всего, немецкой) в англо-саксонский интеллектуальный контекст. Верней было бы говорить о формировании новой методологической программы, вобравшей в себя историко-филологический инструментарий и определенные эпистемологические установки истории идей, пришедшей на смену неокантианским моделям написания истории философии. Конститутивной чертой этой программы стало рассмотрение ренессансного неоплатонизма как

достаточно обособленного историко-культурного феномена. Немаловажную роль в признании актуальности данного исследовательского направления сыграли те политические смыслы, которые связывались с ренессансным неоплатонизмом после окончания Второй мировой войны. Тем самым история гуманитарной науки предстает не как констелляция содержаний автономных дисциплин в разных национальных контекстах и не как механический трансфер достижений одной исследовательской области в другую, а как сложный континуум интеллектуальных влияний и общественных ожиданий, что ставит под вопрос многие объективистские установки прогрессистского самосознания новоевропейской науки.

Список литературы:

1. Тихонов В.В. Российская историческая наука и индексы научного цитирования // Новый исторический вестник. 2013. № 36. С. 89–106.
2. Supplementum Ficinianum / Ed. by P.O. Kristeller. Firenze, 1937. 2 Vol.
3. Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008. 479 с.
4. Иванова Ю.В. Возрождение философии: Марсилио Фичино // История литературы Италии. Т. 2, кн. 1 / Отв. ред. М.Л. Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 720 с.
5. Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Vol. 1. Leiden; N.Y. etc., 1990. 847 p.
6. Ficino M. Three books on life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / Ed. by Carol V. Kaske, John R. Clark. Tempe; N.Y.: University Press, 1988. 524 p.
7. Katinis T. A humanist confronts the plague: Ficino's Consilio contra la pestilentia // Modern Language Note. 2010. Vol. 125. № 1. P. 72–83.
8. Secrets of Nature: Astrology and Alchemy in Early Modern Europe / Ed. by William R. Newman, Anthony Grafton. Cambridge; London, 2001. 443 p.
9. Katinis T. Medicina e filosofia in Marsilio Ficino: il Consilio contro la pestilenza. Roma, 2007. 236 p.
10. Grendler P. The Universities of Italian Renaissance. L.; Baltimore, 2004. 598 p.
11. Writing national histories: Western Europe since 1800 / Ed. by Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore. London; N.Y., 1999. 331 p.
12. De Filippis M. The Renaissance Problem Again // Italica. 1943. Vol. 20. № 2. P. 65–80.
13. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии / Пер. с нем. яз. Н.Н. Балашова, И.И. Маханькова. М., 1996. 591 с.
14. Sigurdson R.F. Jacob Burckhardt: The Cultural Historian as Political Thinker // The Review of Politics. 1990. Vol. 52. № 3. P. 417–440.
15. Della Torre A. Storia dell'academia platonica di Firenze. Firenze, 1902. 860 p.
16. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос / Пер. с нем. яз. А.Г. Гаджикурбанова и др. М.; СПб., 2000. 656 с.
17. Cassirer E. Ficino's Place in Intellectual History // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. P. 483–501.
18. Cassirer E. Giovanni Pico della Mirandola. A Study in the History of Renaissance Ideas // Journal of the History of Ideas. 1942. Vol. 3. P. 123–144, 319–346.
19. Edelhait A. Ficino, Pico, and Savonarola: the evolution of humanist theology 1461/2-1498. Boston; Leiden, 2008. 510 p.
20. Резвых П.В. Дискуссии о мифологии в романтической Altertumswissenschaft / Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP6 «Гуманитарные исследования». М., 2012. 44 с.
21. Rudolph E. Ernst Cassirer im Kontext: Kulturphilosophie zwischen Metaphysik und Historismus. Tübingen, 2003. 277 p.
22. Petersohn J. Deutschsprachige Mediävistik in der Emigration. Wirkungen und Folgen des Aderlasses der NS-Zeit (Geschichtswissenschaft-Rechtsgeschichte – Humanismusforschung) // Historische Zeitschrift. 2003. Bd. 277, № 1. P. 1–60.
23. Landauer C. Erwin Panofsky and the Renaissance of the Renaissance // Renaissance Quarterly. 1994. Vol. 47. № 2. P. 255–281.
24. Falco R. Marsilio Ficino and Vatican Myth // Modern Language Notes. Italian Issue. 2007. Vol. 122. № 1. P. 101–122.
25. Bredekamp H. Götterdämmerung des Neuplatonismus // Kritische Berichte. 1986. Vol. 14. № 4. P. 39–48.
26. Zorach R. Love, Truth, Orthodoxy, Reticence; or, What Edgar Wind Didn't See in Botticelli's Primavera // Critical Inquiry. 2007. Vol. 34. № 1. P. 190–224.

27. Kuntz M.L., Kuntz P.G. Truth in history: Waswo's ideological relativism vs Kristeller's empirical objectivism // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1982. T. 44. № 3. P. 645-648.
28. Blum P.R. The Young Paul Oskar Kristeller as a Philosopher // *Kristeller Reconsidered. Essays on his Life and Scholarship* / Ed. by John Monfasani. N.Y., 2006. P. 19-36.
29. Monfasani J. Toward the Genesis of the Kristeller Thesis of Renaissance Humanism: Four Bibliographical Notes // *Renaissance Quarterly*. 2000. Vol. 53. № 4. P. 1156-1173.
30. Cassirer E., Kristeller P.O., Randall J.H.Jr. *The Renaissance Philosophy of Man*. Chicago: University of Chicago Press, 1948. 405 p.
31. Allen J.B.M. Paul Oskar Kristeller and Marsilio Ficino: e tenebris revocaverunt // *Kristeller Reconsidered. Essays on his Life and Scholarship* / Ed. by John Monfasani. N.Y., 2006. P. 1-18.
32. RSA Presidents, 1954 to Present // *The Renaissance Society of America*. Электрон. дан. [N.Y., б.д.]. (URL: <http://www.rsa.org/?page=Presidents> (дата обращения 15.03.2014)).
33. Панофски Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения / Пер. с англ. Н.Г. Лебедевой, Н.А. Осминской. СПб., 2009. 432 с.
34. Панофски Э. *Idea* / Пер с нем. яз. Ю.Н. Поповой. СПб., 1999. 228 с.
35. Wind E. *The Eloquence of Symbols: Studies in Humanist Art*. Oxford, 1983. 286 p.
36. Saxl F.A. Marsilio Ficino Manuscript Written in Bruges in 1475, and the Alum Monopoly of the Popes // *Journal of the Warburg Institute*. 1937. Vol. 1. № 1. P. 61-62.
37. Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. Saturn and Melancholy. *Studies in the history of natural philosophy, religion and art*. Nendeln (Liechtenstein), 1979. 536 p.
38. Hanssen B. Portrait of Melancholy (Benjamin, Warburg, Panofsky) // *Modern Language Notes*. 1999. Vol. 114. № 5. P. 991-1013.
39. Магун А. К истокам мрачных чувств. Негативная аффектация между меланхолией и терроризмом // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 89. С. 195-208.
40. Walker D.P. *Spiritual and Demonic Magic: From Ficino to Campanella*. Pennsylvania, 2000. 244 p.
41. Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. с англ. яз. Г. Дашевского. М., 2000. 528 с.
42. *Platonism after Plato in the Renaissance* // *The Warburg Institute, University of London, School of Advanced Study*. [London, 2014]. (URL: <http://warburg.sas.ac.uk/events/colloquia-2013-14/platonism-after-plato/> (дата обращения 17.03.2014)).
43. Snyder J.G. *Matter and Method in Marsilio Ficino's "Platonic Theology"*. PhD thesis. N.Y., 2008. 216 p.
44. *The Letters of Marsilio Ficino* / Tr. Language Dept. of School of Economic Science. L.: Shephard-Walwyn, 1975-2012. 9 Vol.
45. Kaske C. The Letters of Marsilio Ficino by Marsilio Ficino [Recensio] // *Renaissance Quarterly*. 2006. Vol. 59. № 3. P. 828-831.
46. *Life with Marsilio Ficino Workshop* // *Midlands School of Practical Philosophy*. [Birmingham, 2013]. (URL: <http://www.philosophymidlands.org/life-with-marsilio-ficino-workshop/> (дата обращения 17.05.2014)).
47. Ficino M. *Commentaries on Plato: Volume 1, Phaedrus and Ion*. / Ed. and trans. by Michael J.B. Allen. Cambridge (MA), 2008. 279 p.
48. *Marsilio Ficino's Commentary on Plato's Symposium* // Ed. and trans. by J. Sears Reynolds. Columbia, 1944. 248 p.
49. Фройденталь Г. Отсутствующий центр философии Кассирера: Homo Faber in abstracto // *Философия и культура*. 2011. № 1. С. 9-24.
50. Пархоменко Р.Н. Идея свободы в эпоху Возрождения и Новое время // *Философия и культура*. 2014. № 2. С. 227-238. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.8107).

References (transliteration):

1. Tikhonov V.V. Rossiiskaya istoricheskaya nauka i indeksy nauchnogo tsitirovaniya // *Novyi istoricheskii vestnik*. 2013. № 36. S. 89-106.
2. *Supplementum Ficinianum* / Ed. by P.O. Kristeller. Firenze, 1937. 2 Vol.
3. Kudryavtsev O.F. *Florentiiskaya Platonovskaya Akademiya. Ocherk istorii dukhovnoi zhizni renessansnoi Italii*. М., 2008. 479 s.
4. Ivanova Yu.V. *Vozrozhdenie filosofii: Marsilio Fichino* // *Istoriya literatury Italii*. T. 2, kn. 1 / Otv. red. M.L. Andreev. М.: IMLI RAN, 2007. 720 s.
5. Hankins J. *Plato in the Italian Renaissance*. Vol. 1. Leiden; N.Y. etc., 1990. 847 p.
6. Ficino M. *Three books on life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes* / Ed. by Carol V. Kaske, John R. Clark. Tempe; N.Y.: University Press, 1988. 524 p.
7. Katinis T. A humanist confronts the plague: Ficino's Consilio contra la pestilentia // *Modern Language Note*. 2010. Vol. 125. № 1. P. 72-83.
8. *Secrets of Nature: Astrology and Alchemy in Early Modern Europe* / Ed. by William R. Newman, Anthony Grafton. Cambridge; London, 2001. 443 p.
9. Katinis T. *Medicina e filosofia in Marsilio Ficino: il Consilio contro la pestilenza*. Roma, 2007. 236 p.
10. Grendler P. *The Universities of Italian Renaissance*. L.; Baltimore, 2004. 598 p.
11. *Writing national histories: Western Europe since 1800* / Ed. by Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore. London; N.Y., 1999. 331 p.
12. De Filippis M. The Renaissance Problem Again // *Italica*. 1943. Vol. 20. № 2. P. 65-80.

13. Burckhardt Ja. *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii* / Per. s nem. yaz. N.N. Balashova, I.I. Makhan'kova. M., 1996. 591 s.
14. Sigurdson R.F. Jacob Burckhardt: The Cultural Historian as Political Thinker // *The Review of Politics*. 1990. Vol. 52. № 3. P. 417–440.
15. Della Torre A. *Storia dell'academia platonica di Firenze*. Firenze, 1902. 860 p.
16. Kassirer E. *Izbrannoe: Individ i kosmos* / Per. s nem. yaz. A.G. Gadzhikurbanova i dr. M.; SPb., 2000. 656 s.
17. Cassirer E. Ficino's Place in Intellectual History // *Journal of the History of Ideas*. 1945. Vol. 6. P. 483–501.
18. Cassirer E. Giovanni Pico della Mirandola. A Study in the History of Renaissance Ideas // *Journal of the History of Ideas*. 1942. Vol. 3. P. 123–144, 319–346.
19. Edelhait A. *Ficino, Pico, and Savonarola: the evolution of humanist theology 1461/2-1498*. Boston; Leiden, 2008. 510 p.
20. Rezyvkh P.V. *Diskussii o mifologii v romanticheskoi Al'tertumswissenschaft* / Preprinty. Vysshaya shkola ekonomiki. Seriya WP6 «Gumanitarnye issledovaniya». M., 2012. 44 s.
21. Rudolph E. Ernst Cassirer im Kontext: Kulturphilosophie zwischen Metaphysik und Historismus. Tübingen, 2003. 277 p.
22. Petersohn J. *Deutschsprachige Mediävistik in der Emigration. Wirkungen und Folgen des Aderlasses der NS-Zeit (Geschichtswissenschaft-Rechtsgeschichte – Humanismusforschung)* // *Historische Zeitschrift*. 2003. Bd. 277, № 1. P. 1–60.
23. Landauer C. Erwin Panofsky and the Renaissance of the Renaissance // *Renaissance Quarterly*. 1994. Vol. 47. № 2. P. 255–281.
24. Falco R. Marsilio Ficino and Vatican Myth // *Modern Language Notes. Italian Issue*. 2007. Vol. 122. № 1. P. 101–122.
25. Bredekamp H. *Götterdämmerung des Neuplatonismus* // *Kritische Berichte*. 1986. Vol. 14. № 4. P. 39–48.
26. Zorach R. Love, Truth, Orthodoxy, Reticence; or, What Edgar Wind Didn't See in Botticelli's Primavera // *Critical Inquiry*. 2007. Vol. 34. № 1. P. 190–224.
27. Kuntz M.L., Kuntz P.G. Truth in history: Waswo's ideological relativism vs Kristeller's empirical objectivism // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1982. T. 44. № 3. P. 645–648.
28. Blum P.R. *The Young Paul Oskar Kristeller as a Philosopher* // *Kristeller Reconsidered. Essays on his Life and Scholarship* / Ed. by John Monfasani. N.Y., 2006. P. 19–36.
29. Monfasani J. *Toward the Genesis of the Kristeller Thesis of Renaissance Humanism: Four Bibliographical Notes* // *Renaissance Quarterly*. 2000. Vol. 53. № 4. P. 1156–1173.
30. Cassirer E., Kristeller P.O., Randall J.H.Jr. *The Renaissance Philosophy of Man*. Chicago: University of Chicago Press, 1948. 405 p.
31. Allen J.B.M. *Paul Oskar Kristeller and Marsilio Ficino: e tenebris revocaverunt* // *Kristeller Reconsidered. Essays on his Life and Scholarship* / Ed. by John Monfasani. N.Y., 2006. P. 1–18.
32. *RSA Presidents, 1954 to Present [Elektronnyi resurs]* // *The Renaissance Society of America. Elektron. dan.* [N.Y., b.d.]. (URL: <http://www.rsa.org/?page=Presidents> (data obrashcheniya 15.03.2014)).
33. Panofski E. *Etyudy po ikonologii. Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniya* / Per. s angl. N.G. Lebedevoi, N.A. Osminskoi. SPb., 2009. 432 s.
34. Panofski E. *Idea* / Per s nem. yaz. Yu.N. Popovoi. SPb., 1999. 228 s.
35. Wind E. *The Eloquence of Symbols: Studies in Humanist Art*. Oxford, 1983. 286 p.
36. Saxl F.A. *Marsilio Ficino Manuscript Written in Bruges in 1475, and the Alum Monopoly of the Popes* // *Journal of the Warburg Institute*. 1937. Vol. 1. № 1. P. 61–62.
37. Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. *Saturn and Melancholy. Studies in the history of natural philosophy, religion and art. Nendeln (Liechtenstein)*, 1979. 536 p.
38. Hanssen B. *Portrait of Melancholy (Benjamin, Warburg, Panofsky)* // *Modern Language Notes*. 1999. Vol. 114. № 5. P. 991–1013.
39. Magun A. *K istokam mrachnykh chuvstv. Negativnaya affektatsiya mezhdu melankholiei i terrorizmom* // *Neprikosnovennyi zapas*. 2013. № 89. S. 195–208.
40. Walker D.P. *Spiritual and Demonic Magic: From Ficino to Campanella*. Pennsylvania, 2000. 244 p.
41. Ieits F.A. *Dzhordano Bruno i germeticheskaya traditsiya* / Per. s angl. yaz. G. Dashevskogo. M., 2000. 528 s.
42. *Platonism after Plato in the Renaissance* // *The Warburg Institute, University of London, School of Advanced Study*. [London, 2014]. (URL: <http://warburg.sas.ac.uk/events/colloquia-2013-14/platonism-after-plato/> (data obrashcheniya 17.03.2014)).
43. Snyder J.G. *Matter and Method in Marsilio Ficino's "Platonic Theology"*. PhD thesis. N.Y., 2008. 216 p.
44. *The Letters of Marsilio Ficino* / Tr. Language Dept. of School of Economic Science. L.: Shephard-Walwyn, 1975–2012. 9 Vol.
45. Kaske C. *The Letters of Marsilio Ficino by Marsilio Ficino [Recensio]* // *Renaissance Quarterly*. 2006. Vol. 59. № 3. P. 828–831.
46. *Life with Marsilio Ficino Workshop* // *Midlands School of Practical Philosophy*. [Birmingham, 2013]. (URL: <http://www.philosophymidlands.org/life-with-marsilio-ficino-workshop/> (data obrashcheniya 17.05.2014)).
47. *Ficino M. Commentaries on Plato: Volume 1, Phaedrus and Ion.* / Ed. and trans. by Michael J.B. Allen. Cambridge (MA), 2008. 279 p.
48. *Marsilio Ficino's Commentary on Plato's Symposium* // Ed. and trans. by J. Sears Reynolds. Columbia, 1944. 248 p.
49. Froidental' G. *Otsutstvuyushchii tsentr filosofii Kassirera: Homo Faber in abstracto* // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 1. S. 9–24.
50. Parkhomenko R.N. *Ideya svobody v epokhu Vozrozhdeniya i Novoe vremya* // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 2. S. 227–238. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.8107).